

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Какія бы еще социалистическія или коммунистическія потрясенія ни были суждены человѣчеству, — нынѣ можно уже съ увѣренностью сказать, что они поведутъ не къ отверженію, а къ *новому осмысленію и обоснованію частной собственности*. Внимательно наблюдающему глазу ясно, что наивысшій подъемъ социалистическихъ надеждъ и иллюзій уже *отошелъ въ прошлое*: переваль остался за плечами; и хотя новыя «побѣды и «завоеванія» социализма совсѣмъ еще не исключены, однако, коммунистическій экспериментъ въ Россіи нанесъ всему движенію тяжелый и непоправимый ударъ. Лучше всего это чувствуютъ и сознаютъ социалисты; это выражается не только въ той жалкой рестерянности и обезкураженности, въ которой пребываютъ *русскіе* социалисты не-большевики, но и въ той злобѣ, съ которой пишутъ и говорятъ *иностранные* социалисты о коммунистахъ въ Россіи; и, что еще замѣчательнѣе, это тѣ признанія, которыя нынѣ можно слышать отъ иностранныхъ социалистовъ. — конечно въ «совершенно довѣрительномъ» порядкѣ: они начали догадываться о *хозяйственной неосуществимости* социалистическаго строя, о *нежизненности* и *химеричности* всей ихъ программы; и иногда они выговариваютъ это съ большою отчетливостью. Публично они этого конечно не произносятъ; напротивъ — они считаютъ необходимымъ продолжать прежнюю пропаганду и усиливать давленіе на имущіе классы, ссылаясь на «инерцію массоваго психоза» и на невозможность «уступить массы коммунистамъ»... Но это означаетъ только, что демагоги становятся плѣнниками и заложниками толпы, тогда какъ въ душѣ ихъ нѣтъ уже ни паѳоса, ни вѣры.

Еще недавно, передъ революціей, русское «общественное мнѣніе», отчасти совращенное, отчасти подавленное и запуганное социалистами, склонялось передъ ними, какъ передъ носителями «новой справедливости»: сочувствовать социализму считалось чуть ли не признакомъ политической порядочности; отстаивать частную собственность считалось проявленіемъ классовой жадности, негуманности и реакціонности. Казалось, что защищать частную собственность *идейно* и *принципально* вообще нельзя: конечно можно быть «капиталистомъ» и бороться за *свое* имущество или богатство, — чтобы его не отняли; но по существу... *что же можно сказать въ защиту принципа частной собственности по существу?* Развѣ этотъ принципъ не означаетъ — торжество «эгоизма и своекорыстія»? самое вопіющее «неравенство и несправедливость»? роскошь и нищету? эксплуатацію и угнетеніе? и потомъ —

«безобразную конкуренцію», перепроизводство, кризисы, безработицу, вырожденіе рабочаго класса, «капитализмъ» и «милитаризмъ»?! Только «продажные идеологи буржуазіи» могутъ защищать *принципъ частной собственности* и вытекающій изъ него *хозяйственный и правовой строй*; всѣ же идейные и безкорыстные люди «мыслятъ социалистически» . . .

Съ тѣхъ поръ русское общественное мнѣніе получило необычайный по суровости и по разрушительной силѣ урокъ, и время социалистической запуганности прошло для него безвозвратно. И если за одиннадцать лѣтъ революціи вопросъ объ обоснованіи частной собственности не сдвинулся съ мѣста, то это объясняется отнюдь не прежнимъ гипнозомъ социализма, а скорѣе идейнымъ бесплодіемъ русскаго зарубежья.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, какъ повидимому думали и Руссо, и Прудонъ. Напротивъ, она вложена въ человѣка и подсказана ему *самою природою*, подобно тому, какъ отъ природы человѣку даны индивидуальное *тѣло* и индивидуальный *инстинктъ*. Человѣкъ отъ Бога и отъ природы созданъ такъ, что онъ (тѣломъ своимъ) есть вещь среди другихъ вещей и непрерывно нуждается въ этихъ другихъ вещахъ (ходить, лежать, дышать, согрѣвается, питается, лѣчится и т. д.). Для того, чтобы жить, человѣкъ долженъ *заниматься этими вещами, приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ, посвящать имъ свое время, отдавать имъ свой трудъ* (тѣлесный и душевный), *совершенствовать ихъ, вкладывать въ нихъ себя и свои цѣнности*, — словомъ *превращать ихъ въ объективное выраженіе и продолженіе собственной личности*.

Эту связь свою съ вещами, это вкладываніе себя въ нихъ — человѣкъ можетъ свести къ самому скудному минимуму; одни дѣлаютъ это отъ лѣни и безпечности (напр. итальянскіе лацарони), другіе ради высшаго духовнаго сосредоточенія (индійскіе йоги, христіанскіе аскеты). Но совсѣмъ обойтись безъ этого, — человѣку не дано. У человѣка же создающаго *хозяйственную культуру* — это общеніе съ вещами становится основной формой дѣятельности.

Хозяйствуя, человѣкъ не можетъ не *сживатьъся съ вещью*, вживаясь въ нее и вводя ее въ свою жизнь. Хозяинъ отдаетъ своему участку, своему лѣсу, своей постройкѣ, своей библіотекѣ — не просто время и не только трудъ; онъ не только «поливаетъ потомъ» свою землю и дорабатывается до утомленія, до боли и ранъ на тѣлѣ; онъ *творчески заботится* о своемъ дѣлѣ вчувствуется въ него воображеніемъ, изобрѣтаетъ, напрягается волею, радуется и огорчается, *болѣетъ сердцемъ*. Онъ не только творитъ и опредѣляетъ судьбу своихъ вещей, но онъ и самъ связываетъ съ ними *свою судьбу*, ввѣряя имъ и свое настоящее, и свое будущее (свое, своей жены, дѣтей, потомства, рода).

Всѣ страсти человѣческія вовлекаются въ этотъ хозяйственный процессъ — и благородныя, и дурныя, — отъ религіозно-художественныхъ побужденій, до честолюбія, тщеславія и скуности; *всѣ интересы человѣческіе* связуются съ успѣхомъ и неуспѣхомъ дѣла — отъ инстинкта самосохраненія, до удовлетворенія самыхъ высшихъ и духовныхъ потребностей. Человѣкъ связывается съ вещами — не только *матеріальнымъ интересомъ*, но и *волею къ совершенству*, и *творчествомъ*, и *любовью*.

Все это не пустыя слова и не отвлеченныя выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь дѣйствительно *любитъ* ее; садовникъ не просто «копается въ саду», но *творчески чувствуетъ* жизнь своихъ цвѣтовъ и деревьевъ; строя себѣ домъ, человѣкъ создаетъ свой *интимный уголокъ*, свой *священный очагъ*, какъ бы свое новое «я»; всѣ истинные коневоды были *художественно влюблены* въ свое дѣло; и погромщикъ страшень не убытками, а завистью и ненавистью къ чужому достиженію и *совершенству*, *презрѣніемъ* къ чужому *творчеству*. Человѣку дано — *художественно индивидуализировать* не только свое отношеніе къ людямъ, но и свое отношеніе къ внѣшнимъ вещамъ, къ природѣ, къ зданіямъ, къ быту, къ клочку земли. Человѣку дано — *художественно отождествляться* не только съ друзьями и съ образами любимыхъ поѣтовъ, но и съ розами въ саду, и съ насажденнымъ его руками лѣсомъ, съ колосающею нивою и съ построенною имъ фабрикою. Только люди религіозно мертвые и художественно опустошенныя, люди механическаго вѣка, люди разсудочные и бумажно-кабинетные — могутъ думать, что хозяйственный процессъ слагается изъ *эгоистическаго корыстолюбія* и *физическаго труда*, и что онъ состоитъ въ томъ, что «корыстолюбцы» «высасываютъ кровь» изъ «чернорабочихъ»; трудно сказать, чего больше въ этомъ воззрѣніи — отвлеченной выдумки, моральнаго ханжества или лукавой демагогіи; но несомнѣнно, что живая и глубокая сущность хозяйственно-творческаго процесса просмотрѣна и упущена въ ней совершенно. Расцвѣтъ и обиліе создаются не «голодомъ» и не «жадностью»; и не просто *здоровымъ инстинктомъ* и *интересомъ*; но *всю душою* и *всѣмъ духомъ* — призваніемъ и вдохновеніемъ, «любовью, честью, гордостью, смѣткой, волей»...¹⁾ тѣмъ «творчествомъ, которое привязываетъ къ мѣсту» и въ которомъ «наклонности и обязанности» сливаются во едино²⁾. У каждаго человѣка сочетаніе этихъ побужденій и силъ выражено по своему: но каждый участвуетъ въ творческомъ общеніи съ ве-

1) Какъ это прекрасно выражено у П. С. Шмелева. См. его разсказъ «Въ ударномъ порядкѣ», въ Сборникѣ «Про одну старуху», стр. 128.

2) См. чудесныя формулы у князя С. М. Волконскаго. Родина. Особенно въ главѣ «Павловка», стр. 33, 36 и др.

щами — *встѣмъ своимъ существомъ*; и успѣхъ его творчества обуславливается не только усиліями его *инстинкта*, но и напряженіемъ его *духа*.

Итакъ, хозяйственный процессъ есть *творческій* процессъ; отдаваясь ему, человѣкъ *вкладываетъ свою личность въ жизнь и въ совершенствованіе вещей*. Вотъ почему хозяйственный трудъ имѣетъ *духовную* природу: религіозную — ибо въ основѣ его лежитъ религіозное *пріятіе міра*³⁾; нравственную — ибо онъ есть проявленіе *любви* и осуществленіе *долга*; художественную — ибо онъ заставляеть человѣка *вчувствоваться* въ жизнь вещей, *отождествляться* съ ними и *совершенствовать ихъ способъ бытія*⁴⁾; и, наконецъ, познавательную — ибо онъ ведетъ человѣка къ *изученію* тѣхъ законовъ, которые правятъ вещами и ихъ судьбою. Эта *лично-инстинктивная* и *лично-душевная* связь человѣка съ вещами — имѣетъ одновременно и *хозяйственно-производственное* и *духовно-творческое* значеніе; и потому оно непременно должно быть признано, закрѣплено и ограждено *правомъ*, осмыслено, какъ необходимое, справедливое и ненарушимое *полномочіе*. Человѣку *необходимо* вкладывать свою жизнь въ жизнь вещей: это неизбѣжно отъ природы и это драгоцѣнно въ духовномъ отношеніи. Поэтому это есть *естественное право* человѣка, которое и ограждается законами, правопорядкомъ и государственною властью. Это и есть *право частной собственности*.

Право частной собственности *властно* и *исключительно*, хотя, конечно, *не* безгранично. Безграничнаго права вообще нѣтъ: всякое полномочіе гдѣ нибудь кончается, именно тамъ, гдѣ начинается *чужое* полномочіе и, соответственно, — *моя* обязанность и *моя* запретность. Въ разныхъ государствахъ эти границы частной собственности (и по объекту права, и по содержанію) могутъ быть вычерчены въ законахъ различно. И тѣмъ не менѣе въ своихъ, установленныхъ предѣлахъ право частной собственности *властно*⁵⁾ — ибо только одинъ собственникъ въ правѣ рѣшать, насколько, когда и какъ онъ вложитъ свою личность въ жизнь и судьбу своей вещи; и въ то же время это право *исключительно* — ибо въ предѣлахъ своихъ полномочій собственникъ въ правѣ исключить, отвести всякое

3) См. мою статью «О пріятіи міра», въ № 6 «Русскаго Колокола».

4) Эту священную, одновременно естественную и художественно-благодатную природу хозяйственного труда особенно глубоко чувствовалъ графъ Л. Н. Толстой. Къ сожалѣнію, онъ усматривалъ ее (то преимущественно, то исключительно) въ *физическомъ* трудѣ, являясь, въ этомъ отношеніи, послѣдователемъ нигилистовъ и предшественникомъ большевизма. См. особенно его революціонно-нигилистическую сказку «Объ Иванѣ-Дуракѣ».

5) Конечно, не въ публично-правовомъ смыслѣ, потому что это есть власть не надъ другимъ человѣкомъ, а надъ собою и надъ вещью.

третье лицо отъ распоряженія данною вещью (простымъ непозволеніемъ или запретомъ⁶⁾).

Этотъ кругъ *исключительной власти надъ вещами* необходимъ *каждому* человѣку, чтобы онъ *хотѣлъ* и *могъ увѣренно и цѣльно* вкладываться въ эти «свои вещи», то расширяя ихъ кругъ трудомъ и законнымъ приобрѣтеніемъ, то суживая этотъ кругъ распродажей, дареніемъ и уничтоженіемъ. Когда хотятъ наказать каторжника, то этотъ кругъ сводятъ нарочно къ минимуму или угашаютъ почти совсѣмъ. Когда вводятъ и поддерживаютъ сельско-хозяйственную общину съ ея периодическими передѣлами, то этимъ превращаютъ собственника въ *условнаго и временнаго пользователя* участкомъ и подрываютъ въ немъ и трудовой интересъ, и душевную волю къ увѣренному и цѣлостному самовложенію въ землю (т. е. волю и способность къ качественному, интенсивному хозяйству). Когда надъ какой нибудь группою собственниковъ или надъ цѣлою страной повисаетъ угроза *принудительнаго* отчужденія или тѣмъ болѣе *безвозмезднаго* отчужденія — то это пресѣкаетъ и убиваетъ *творческое* довѣріе собственника къ вещамъ и къ людямъ, и разрушаетъ весь хозяйственный процессъ. Соціализмъ и коммунизмъ отвергаютъ естественное право людей имѣть частную собственность и тѣмъ практически равняютъ ихъ съ *каторжниками*, или ставятъ ихъ душевно и духовно въ положеніе *хозяйственныхъ кастратовъ*. Безспорно, у человѣка всегда остается возможность устраивать общественную жизнь *нелѣпо*, *противоестественно* и *пагубно*; но *нелѣпое* и *пагубное* неизбѣжно приноситъ злые и гибельные плоды; оно оказывается *нежизнеспособнымъ* и ведетъ только къ *растратѣ силъ* и *разрушенію культуры*, что и доказалъ соціалистическій опытъ въ Россіи.

Все это означаетъ, что принципъ частной собственности *не* есть дѣло человѣческой выдумки, и что поддержаніе его *не* предоставлено на усмотрѣніе человѣческаго произвола. Огражде-

---

⁶⁾ Эти аксіомы нисколько не поколеблены аргументами извѣстнаго нѣмецкаго юриста Отто Гирке, которыми онъ, приближаясь къ соціалистамъ, пытается обосновать «соціальное право» собственности («Die soziale Aufgabe des Privatrechtes»). Въ построенияхъ Гирке напоръ «общества» на частнаго собственника, какъ бы вѣдается въ право собственности и выѣдаетъ изъ него не только рядъ содержательныхъ полномочій, но и самую существенную природу собственности. Именно въ этомъ порядкѣ Гирке сочувствуетъ коммунистическимъ воззрѣніямъ массы на землю, какъ на «Gemeingut» и превращаетъ земельную собственность въ «ограниченное право пользованія» (стр. 21, 22); это, пожалуй, уже больше, чѣмъ **одна капля** соціалистическаго масла, которою онъ хотѣлъ «пропитать» свои воззрѣнія на гражданское право (стр. 13). Я думаю, что подобное соціалистическое разложеніе и вывѣтриваніе права частной собственности предстоить въ наши дни всякому эмпирическому юристу, не установившему различія между «соціальнымъ» и «соціалистическимъ» и не положившему въ основу своего изслѣдованія естественно-правовую идею частной собственности.

ніе частной собственности, ограниченіе ея, пользование ею — зависятъ отъ человѣка; но самое существованіе частной собственности, ея принципъ, ея институтъ — зависятъ не отъ человѣческаго усмотрѣнія, а отъ того *способа земного бытія*, который данъ человѣку отъ Бога и отъ природы⁷⁾.

Цынѣ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что только тотъ способъ владѣнія и распоряженія вещами имѣетъ будущее, который *поощряетъ человѣческій инстинктъ — творчески предаваться хозяйственному самовложенію въ вещи; изживаться въ этомъ самодѣятельно и интенсивно; увѣренно и безъ опасливыхъ оглядокъ создавать свое лучшее*. Таковъ строй частной собственности. Напротивъ, тѣ способы владѣнія и распоряженія вещами, которые подавляютъ человѣческій инстинктъ, застраиваютъ его, обезсиливаютъ и кастрируютъ — осуждены съ самаго начала и лишены будущаго. Таковы социализмъ и коммунизмъ. Понятно, что все это имѣетъ особенное значеніе именно для *частной собственности на средства производства*. Частная собственность является тою формою человѣческаго труда, которая наиболѣе благопріятствуетъ творческимъ силамъ человѣческаго инстинкта и человѣческаго духа, освобождаетъ ихъ, развязывая, вызывая къ жизни и побуждая ихъ къ труду. И въ этомъ отношеніи частная собственность не можетъ быть замѣнена *ничѣмъ*: ни приказомъ и принужденіемъ (коммунизмъ), ни добродѣтелью и нравственностью («христіанскій социализмъ»). Въ теченіе нѣкотораго времени возможно принуждать человѣка *вопреки* его инстинкту; возможно также стать «добродѣтельнымъ» *вопреки* своему инстинкту; но протівоестественное принужденіе и протівоестественная добродѣтель обречены съ самаго начала на крушеніе. Человѣческій инстинктъ *необходимо принять въ томъ видѣ*, въ которомъ онъ данъ намъ отъ Бога и отъ природы: въ его индивидуальномъ способѣ жизни и въ его *иниціативной самодѣятельности*. Инстинктъ можно и должно обуздывать, воспитывать, облагораживать. Но никакой земной произволъ и никакое разсудочное умничанье, не можетъ передѣлать, переплавить, перековать тотъ лично-творческій способъ жизни, который присущъ человѣку. Пусть социалистъ упускаетъ это изъ вида; пусть

---

⁷⁾ Эта идея о *естественности и природной необходимости* частной собственности развита, между прочимъ, и въ католической литературѣ въ замѣчательной энцикликѣ Папы Льва XIII «*Regum novarum*» отъ 15 мая 1891 года, направленной протівъ социализма. Левъ XIII слѣдуетъ въ основномъ за Томасомъ Аквинскимъ, который, въ свою очередь, слѣдуетъ въ основномъ за Аристотелемъ. Интересно отмѣтить, что въ современной католической литературѣ и практикѣ можно найти не мало двусмысленныхъ и полусоциалистическихъ сужденій и голосованій по вопросу о частной собственности; поэтому, профессоръ Песль, въ сущности, совершенно правъ, указывая на то, что энциклика Папы Льва XIII выражаетъ отнюдь не воззрѣніе католической церкви, а только личное мнѣніе гениальнаго человѣка, занимавшаго папскій престолъ. См.: Prof. Dr. L. Pesl. Kirche und Bodenreform. S.S. 51 и др.

коммунисты отвергают и «отмѣняютъ» это въ своихъ декретахъ. Но именно потому имъ и обезпеченъ самый жалкій провалъ.

Если воспретить человѣку творить *по собственному почину* и побужденію — то онъ вообще перестанетъ творить; ибо творчество или свободно и самопочинно, или оно пресѣкается вообще. Любить, созерцать и молиться можно только *свободно*, исходя изъ своей *собственной потребности*. Этотъ законъ дѣйствуетъ не только въ религіи и въ искусствѣ, но и въ жизни семьи и въ хозяйствѣ. Ибо и семья и хозяйство вырастаютъ изъ *любви* и всегда остаются *живымъ творчествомъ*. Изъ безразличія родится не творчество, а мертвое, механическое отправление, индифферентное и формальное отбываніе «очередного номера». Даже тогда, когда безразличный человѣкъ исполняетъ свою обязанность, онъ работаетъ безъ всякаго одушевленія; вдохновеніе незнакомо ему: творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездѣйственно молчитъ. *Бракъ безъ любви* не создаетъ ни здоровой семьи, ни здороваго поколѣнія: онъ духовно и общественно *вреденъ*. И точно такъ же — *хозяйство безъ свободнаго, внутренняго побужденія*, безъ личной инициативы и частной собственности бюрократически ведоное безразличными чиновниками, не создаетъ ни благосостоянія, ни даже достаточнаго и доброкачественнаго продукта: оно общественно и государственно *вредно*.

Идея социализма есть по истинѣ одна изъ самыхъ несчастныхъ и безнадежныхъ идей въ человѣческой исторіи: исключить изъ хозяйственнаго процесса начало инстинктивной самодѣятельности, начало личнаго интереса, начало духовной свободы и начало довѣрчиваго самовложенія въ вещи. Все это рушится съ отмѣной частной собственности; и то, что остается есть лишь безразличная нерадивость, пустая притязательность, продажный бюрократизмъ и самая жалкая безхозяйственность. Вотъ почему коммунисты, упразднивъ частную собственность въ Россіи, не только не подорвали и не скомпрометировали ее, какъ принципъ, но *реабилитировали* и *обосновали* ее. И если гдѣ нибудь иллюзіи социализма изжиты, и если гдѣ нибудь социализмъ на долгія времена лишенъ всякихъ перспективъ, то это именно въ Россіи, гдѣ вотъ уже одиннадцать лѣтъ коммунизмъ воспитываетъ умы и сердца къ частной собственности.

Если бы теперь, послѣ революціи, кто нибудь началъ исповѣдовать и проповѣдовать вредность собственности и спасительность социализма, то съ нимъ или совсѣмъ не стали бы спорить, или отвѣтили бы ему краткимъ, но исчерпывающимъ обоснованіемъ частной собственности. И онъ услышалъ бы слѣдующее:

1. Частная собственность вызываетъ въ человѣкѣ инстинктивные побужденія и духовные мотивы для напряженнаго труда, для того, чтобы нещадить своихъ силъ и творить лучшее.

Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; и тѣмъ воспитываетъ характеръ.

2. Она даетъ собственнику чувство увѣренности, довѣріе къ людямъ, къ вещамъ и къ землѣ, желаніе вложить въ хозяйственный процессъ свой трудъ и свои цѣнности.

3. Частная собственность научаетъ человѣка творчески любить трудъ и землю, свой очагъ и родину; она закрѣпляетъ его осѣдлость, безъ которой невозможна культура; она питаетъ и напрягаетъ его государственный инстинктъ; она раскрываетъ ему художественную глубину хозяйственного процесса и научаетъ его религіозному пріятію міра.

4. Частная собственность пробуждаетъ и воспитываетъ въ человѣкѣ правосознаніе, научая его строго различать «мое» и «твое», пріучая его къ правовой взаимности и къ уваженію чужихъ полномочій, взращивая въ немъ вѣрное чувство гражданского порядка и гражданской свободы.

5. Наконецъ, частная собственность воспитываетъ человека къ *хозяйственной солидарности*, ненарушающей *хозяйственную свободу*: ибо каждый собственникъ, богатѣя, обогащаетъ — и свое окруженіе, и самое народное хозяйство; и конкуренція собственниковъ ведетъ не только къ борьбѣ, но и къ творческому напряженію, необходимому для народнаго хозяйства. Самый путь къ организациі мірового хозяйства идетъ не черезъ социалистическое рабство, а черезъ культивированіе той солидарности, которая вырастаетъ изъ частной собственности.

Все это отнюдь не значитъ, что общественный и правовой строй, основанный на частной собственности, не имѣетъ своихъ великихъ трудностей, проблемъ и опасностей. Но проблемы эти коренятся не въ частной собственности, а глубже: онѣ вырастаютъ, какъ указалъ еще греческій философъ Анаксимандръ, изъ самаго способа бытія, присущаго человѣку отъ природы. Безсмысленно вводить социалистическій строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелѣпо вообразать, что естество человѣка можно переплавить въ социалистическомъ духѣ: ибо если даже можно совратить человѣка и превратить его въ безбожника, въ труса и предателя, — то *инстинктъ* его все же останется *личнымъ* и *самодѣтельнымъ*.

Частная собственность необходима человѣку — и хозяйственно, и духовно; и онъ вернется къ ней изъ всѣхъ своихъ социалистическихъ блужданій и послѣ всѣхъ своихъ коммунистическихъ злодѣйствъ. Вернется и будетъ искать выхода на христіанскихъ путяхъ: *труда, изобилія, щедрости, неуравнивающей справедливости и свободной солидаризациі*.

И. А. Ильинъ.